

18+

Куросима Дэндзи

# Сибирские рассказы

Основано  
на реальных событиях

Куросима Дэндзи

**Сибирские рассказы. Основано  
на реальных событиях**

«Издательские решения»

**Дэндзи К.**

Сибирские рассказы. Основано на реальных событиях /  
К. Дэндзи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693856-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,  
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ  
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН  
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ  
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Сибирские рассказы» были написаны почти  
сто лет назад, но их актуальность не угасла. Они напоминают нам о том,  
что происходило в Сибири и на Дальнем востоке в период интервенции.  
Куросима Дэндзи заплатил высокую цену за свою правду. Его книги  
запрещали, он подвергался преследованиям. Наконец-то его работы дошли до  
русскоязычного читателя.

ISBN 978-5-00-693856-4

© Дэндзи К.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Непростая судьба Куросимы Дэндзи  | 6  |
| Куросима Дэндзи в СССР и России   | 8  |
| Снежная Сибирь                    | 9  |
| I                                 | 9  |
| II                                | 10 |
| III                               | 11 |
| IV                                | 12 |
| V                                 | 14 |
| VI                                | 17 |
| Сани                              | 18 |
| I                                 | 18 |
| II                                | 19 |
| III                               | 20 |
| IV                                | 22 |
| V                                 | 24 |
| VI                                | 25 |
| VII                               | 27 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# **Сибирские рассказы**

## **Основано на реальных событиях**

**Куросима Дэндзи**

*Переводчик Павел Соколов*

© Куросима Дэндзи, 2026

© Павел Соколов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-3856-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Непростая судьба Куросимы Дэндзи

Японский писатель Куросима Дэндзи (1898—1943) – человек трагической и удивительной судьбы. Предлагаемые вашему вниманию «Сибирские рассказы» – это не просто литература. Это крик души, это горькое свидетельство очевидца, это обвинительный акт войне, написанный кровью сердца.

Куросима Дэндзи родился на острове Сёдо в бедной крестьянской семье. С детства он познал тяжелый труд и нужду. Мечтая об образовании, он работал на фабрике, чтобы скопить денег на учебу в Токио. Но его планы нарушила война. В 1919 году его призвали в армию и в составе экспедиционного корпуса отправили в Сибирь участвовать в интервенции. Там, в снегах далекой и чужой страны, он служил не солдатом с винтовкой, а санитаром. И эта служба перевернула его душу.

Два года, проведенные в Сибири, стали для Куросимы жестокой школы. Он видел не парады и подвиги, а грязь, холод, голод и смерть. Он видел, как его соотечественники, такие же бывшие крестьяне и рабочие, одетые в солдатские шинели, убивают и гибнут сами. Он видел, как японские офицеры смотрят на простых пехотинцев как на пушечное мясо. И самое главное – он увидел живых русских людей: крестьян, женщин, детей, стариков, партизан. Увидел их горе, их страдания, их сопротивление. Увидел войну не с парадной, а с изнаночной, кровавой стороны.

Вернувшись на родину, Куросима не мог молчать. Он взял в руки перо не для того, чтобы развлекать публику, а чтобы рассказать правду. Его рассказы стали уникальным явлением в японской литературе. Это, пожалуй, самые честные и страшные страницы о Сибирской экспедиции, написанные японцем. Де-факто, интервентом и оккупантом. Они стоят в одном ряду с лучшими антивоенными произведениями мировой литературы. Его учителями были Толстой, Гаршин, Андреев, Мопассан. Но выше всех он сам ставил Льва Толстого.

Читая эти рассказы, ты погружаешься в мир, где нет места героике. Здесь есть только пронзительная тоска по дому («Снежная Сибирь»), бессмысленная гибель от пули, летящей неизвестно откуда («Сани»), трагическая судьба детей, вынужденных выживать среди разоренной страны («Кружающаяся стая ворон»), ужас перед лицом смерти и шовинизм («Фальшивка»), звериная жестокость, порождающая ответную ненависть («Партизан Волков»). Все это – суровая, неприкрашенная правда.

Куросима пишет жестко и лаконично. В его строках нет места сантиментам. Но за этой внешней сдержанностью чувствуется огромная боль. Боль за своих соотечественников, обманутых и брошенных в снега. Боль за русских людей, чьи дома сжигают, а детей убивают. Он не делит на «своих» и «чужих» в привычном смысле. Для него «свои» – это те, кто страдает по обе стороны линии фронта. И японские солдаты Ёсида и Комура («Снежная Сибирь»), замерзающие в снегу, и русский мужик, убитый вместе с сыном («Сани»), и кореец, закопанный заживо в землю («Фальшивка») – все они жертвы одной бесчеловечной системы, имя которой – война.

Особенно поражает рассказ «Кружающаяся стая ворон». Он построен как цепь эпизодов, которые, казалось бы, слабо связаны между собой: солдаты на кухне, их походы к русским женщинам, внезапный приказ, гибель целой роты в снегах. Но постепенно перед читателем раскрывается страшная закономерность. Простая человеческая тяга к теплу и ласке, похоть майора становятся причиной гибели десятков людей. Рота Мацуки и Такэиси посылается на верную смерть не ради военной необходимости, а из-за мести ревнивого офицера. И никто не понесет за это никакого наказания.

Или рассказ «Фальшивка», где появление фальшивой купюры ведет к чудовищной несправедливости. Жандармам нужен преступник, и они его находят – им становится безза-

щитный старик-кореец. Его казнь, описанная с леденящей душу подробностью, показывает, как мало значит человеческая жизнь в глазах японской военной машины. А финал, где фальшивки обнаруживаются снова и снова, у всех, от солдата до военврача, – это страшная ирония: зло, которое они пытались уничтожить, оказалось не в деньгах, а в них самих, в самой системе насилия.

Куросима не просто показывает ужасы войны. Он пытается понять ее причины. Кто виноват в том, что простые парни, вчерашние крестьяне, убивают и умирают? Ответ писателя однозначен – те, кто наживается на войне, кто посылает их на смерть, оставаясь в тепле. Это ясно звучит в эссе «О войне», которое является своего рода ключом ко всей книге. Война – это собачья драка, где псы рвут друг друга, а хозяева смотрят и делают свои циничные ставки.

«Сибирские рассказы» были написаны почти сто лет назад, но их актуальность не угасла. Они напоминают нам о том, что происходило в Сибири и на Дальнем востоке в период интервенции.

Куросима Дэндзи заплатил высокую цену за свою правду. Его книги запрещали, он подвергался преследованиям уже как пролетарский писатель. Умер он в забвении, в родной деревне, от туберкулеза. Но его слово, его свидетельство осталось. И сегодня оно звучит с новой силой, предупреждая нас о том, к чему приводят пустые амбиции и пренебрежение к человеческой жизни.

Пусть эта книга станет для вас не просто чтением, а поводом задуматься о том, что пережили наши предки в период интервенции. Приятного, но, предупреждаю, очень горького чтения. Отметка 18+ здесь дана не просто так.

## Куросима Дэндзи в СССР и России

В далеком 1934 году в журнале «Знамя» вышел перевод одной из антивоенных новелл Куросимы Дэндзи. Выполнен он был Романом Николаевичем Кимом (1899—1967), видным советским переводчиком, писателем и чекистом. Казалось, что за этой публикацией массово последуют новые. Все-таки Куросима Дэндзи считался весьма прогрессивным пролетарским и антивоенным автором. Можно сказать, другом Советского Союза. На фоне происходящих в те годы событий его новеллы и статьи были более чем актуальны. Но опубликовали затем еще две новеллы. И всё. Повторно его больше в СССР не печатали. Ни в Оттепель, ни в Перестройку.

Да, его имя то и дело всплывало в разного рода статьях и обзорах. В 1986 году в Ленинграде даже была защищена диссертация на тему «Антивоенное творчество Куросима Дэндзи» за авторством Курлапова Валерия Викторовича. Но переводов новелл и эссе также не последовало.

Интерес к жизни и творчеству забытого классика начал потихоньку расти в последние 10—15 лет. Его имя снова появляется в научных статьях и монографиях. Так, в 2017 году в рамках защиты ВКР в СПбГУ даже был представлен перевод его рассказа «Сани» Волковым Николаем Николаевичем. Обзорная статья по биографии автора и перевод новеллы «Стая ворон кружит» были опубликованы переводчицей Александрой Палагиной в интернете в 2022 году.

В данный сборник вошли как никогда не переводившиеся на русский язык рассказы и эссе, так и переведенные мною заново новеллы «Сани» и «Кружащаяся стая ворон». Источником послужили тексты с сайта [www.aozora.gr.jp](http://www.aozora.gr.jp). К сожалению, в некоторых новеллах сохранились цензурные изъятия периода первых публикаций. Почему японские коллеги не залили на сайт полные тексты без купюр, для меня загадка. Остается надеяться, что впереди нас ждет издание научного сборника наследия Куросимы Дэндзи. Ведь его новеллы это важное свидетельство очевидца и участника трагических событий в истории России прошлого века. Об этом нельзя забывать.

*Павел Соколов*



## Снежная Сибирь

### I

Проводив отъезжающих на родину сослуживцев своего призыва, они вернулись из депо в казарму, повалились на койки и, долго не говоря ни слова, лишь вздыхали. Еще год терпеть надо, чтобы вернуться домой.

Они вспоминали, каким скучным и долгим был прошедший сибирский год. Незадолго до того, как стать солдатом второго года службы, они немного поработали в гарнизонном госпитале, а затем были направлены в Сибирь. Вместе с ними из Цуруги на пароходе отправилось больше ста сослуживцев их призыва. Когда они прибыли в Сибирь, солдаты четвертого года службы и часть солдат третьего года вернулись на родину.

Сибирь была укутана снегом, куда ни глянь. Реки замерзли, и по ним ездили сани, запряженные ломовыми лошадьми. Надев валенки с приклеенным к подошвам сукном, чтобы не скользить на льду, в меховых шапках и шинелях, они выходили в поле. Вороны с белыми клювами сбивались на снегу и что-то усердно клевали.

Когда снег растаял, повсюду обнажилась однообразная выжженная степь. Табуны лошадей и коров с ревом и мычанием начали бродить по ней. Вскоре у дороги трава выпустила зеленые ростки. И вот там, на равнине, и здесь, на холме, кое-где зазеленела трава. Недели через две степи, до того совершенно выжженные, сплошь зазеленели, трава пошла в рост, деревья распустили ветви, гусеницы и утята закопошились повсюду. Летом они вместе с пехотными частями перебрались ближе к русско-китайской границе. В октябре произошло столкновение с Красной гвардией. На бронепоезде их отправили с передовой.

На степь лег туман, и дней десять подряд не было видно даже на полтё вперед.

Они заняли кирпичное здание на одном из холмов, бывшее казармой русской армии, привели его в порядок, перегородили дощатыми перегородками на маленькие комнаты, установили операционные столы, завезли медикаменты, а снаружи прибили дощечку с надписью «Госпиталь сухопутных войск».

В ноябре пошел снег. Выпавший снег не таял, на него падал и накапливался новый. По дороге, по которой кули носили воду на коромыслах из источника в долине в госпиталь, пролитая вода замерзала, и так как это повторялось каждый день, по обеим сторонам дороги выросли высокие ледяные гряды, тянувшиеся, как горная цепь.

Они топили печки и сидели взаперти.

Они вспоминали прошедший год. Постоянно видя солдат, получивших ранения, лишившихся ног или рук, или умиравших, они думали о доме и ждали дня, когда придет смена и можно будет вернуться.

Смена прибыла. Как раз в то же время, когда их самих направили сюда в прошлом году. Большая часть солдат четвертого и третьего года службы должна была уехать. Но двое рядовых из третьего года службы должны были остаться, чтобы руководить прибывшими солдатами второго года службы, только что закончившими начальную подготовку на родине.

Военврач и старший фельдшер совещались. Они хотели на сей раз отправить домой солдат строптивых, грубых и неудобных в работе. И вот по приказу военврача остались тихие, трудолюбивые, удобные в работе Ёсида и Комура.

## II

Никто не хотел долго оставаться в Сибири.

Был парень по имени Ясима – дерзкий, любивший кровопролитие, ловко орудовавший штыком, рубивший русских, а когда не было противника, закалывавший бродивший по полю скот и свиней, находивший в этом удовольствие, с маленькой бородкой.

– Такое дело дома-то ведь не сделаешь. Вот и надо вволю понаслаждаться в Сибири, где нет ни законов, ни правил.

Он часто огрызался на военврача и старшего фельдшера. Однажды даже, схватив револьвер, гонялся за военврачом. Говорили, его взбесило, что врач требовал аккуратного несения службы. Он целился в спину убежавшему врачу и грохнул из револьвера. Пуля пролетела мимо и пробила двойное оконное стекло.

Все думали, что он, наверное, хочет остаться в Сибири.

– Год или два побыть в Сибири подольше или нет – с точки зрения всей долгой жизни разницы-то нет. Не так уж это и важно! – говорил он при всех с беззаботным видом.

Однако военврач и старший фельдшер, определяя список отъезжающих, первым делом вписали имя Ясимы. То есть, оставлять тех, кто размахивает штыком или стреляет из револьвера, – опасно и хлопотно.

Был парень по имени Фукуда, который сам вызвался в Сибирь. Фукуда немного знал русский язык. Он вызвался, чтобы попрактиковаться в русском в Сибири. В нем была некоторая наглость, и, заговорив с русским, он мог забыть о работе и болтать два-три часа кряду. Он хотел вернуться на родину, только когда как следует выучит русский.

Но и Фукуда был вписан в список отъезжающих.

Таких примеров было и еще немало.

Был парень, который без разрешения ушел из госпиталя и три дня жил в доме у русского. Это считалось самовольной отлучкой, а в военное время за это полагался расстрел. Но дело удалось замять, и тот парень избежал наказания. Однако и он сам, и другие полагали, что в виде компенсации его оставят до четвертого года службы.

Но и он был ясно указан в списке отъезжающих.

А остаться должны были Ёсида и Комура – трудолюбивые, удобные в работе.

Оба думали, что если тихо и хорошо работать, то в награду их pošлют домой пораньше, и всегда к этому стремились. Даже когда немного приболевали или чувствовали себя плохо, то не отлынивали от службы.

И наградой за это стало лишь то, что ради родины они должны были пробыть в Сибири еще целый год.

Им казалось, что их подло обманули, и в груди поднималась такая тошнота, что хотелось все крушить вокруг.

### III

Пока ждали поезд, Ясима сказал:

– В конце концов, вы просто дураки. Хотите поскорее вернуться – делайте, как я. Кому угодно иметь под началом тихих, как овечки, людей – это естественно. Но год или два в Сибири – с точки зрения всей долгой жизни все едино. Ну, держитесь.

И Ёсида, и Комура, слышавшие это, были подавлены.

Отъезжавшие то и дело говорили о том, что будут делать, уже вернувшись домой, как там теперь поживает девушка, с которой встречались до призыва? Кто придет их встречать? Они и думать позабыли о проститутках, к которым еще недавно усердно ходили, и только об этом и толковали.

– Я, как только вернусь домой, сразу женюсь, – говорил Фукуда, сам вызвавшийся в Сибирь, но теперь торопившийся на родину. – Да и черт с ним, с русским языком. Унаследую дело отца – и без куска хлеба не останусь. Сибирь, где в любой момент можешь угодить к партизанам, мне уже надоела.

Лишь они двое были исключены из компании уезжающих и сидели, съезжившись, в углу зала ожидания. Они и раньше не были близкими товарищами. Комура был застенчив, делал то, что ему велели, но не был склонен проявлять инициативу. Ёсида был напорист. Но он был добрым, и, вмешиваясь в дела по своему желанию, в итоге часто вынужден был сам брать всё на себя. Когда они были вместе, всегда Ёсида решал всё по-своему. Он держался как взрослый. Комура же это внутренне не нравилось. Но теперь они оба чувствовали, что должны ладить друг с другом. Если что-то будет не по душе – придется терпеть. Сослуживцев их призыва оставалось только двое. Им предстояло целый год помогать друг другу выживать.

– Ну, спасибо, что проводили.

Когда пришел поезд, отъезжающие, держа в руках вещмешки, набитые диковинными сувенирами, наперебой устремились в вагоны. Там они заняли свои места, сняли ушанки и показали лица в окнах.

Высокой платформы не было. Они стояли между рельсами, глядя вверх на огромный поезд. Из окон уезжающие улыбались и что-то говорили. Но, пытаясь улыбнуться в ответ, они почему-то чувствовали, как их физиономии кривятся и вот-вот хлынут слезы.

Не желая показывать такое товарищам, они молчали и хмурились.

...Поезд тронулся.

Выглядывавшие из окон лица тут же скрылись внутрь.

Они не могли справиться с подступавшими слезами, которые до сих пор сдерживали и которые теперь разом хлынули...

– Эй, пошли в госпиталь, – сказал Ёсида.

– Угу, – голос Комуры был плаксивым. В ответ Ёсида, будто сопротивляясь этому, сказал:

– Давай наперегонки до того моста.

– Угу, – Комура ответил тем же голосом.

– Ну, раз, два, три!

Ёсида рванул вперед, они пробежали около тё, но, не добежав и до половины пути до моста, сникли и остановились.

Они, волоча ноги, побрели обратно в госпиталь.

Пять-шесть дней они перекладывали все обязанности на солдат второго года службы и бездельничали, валяясь в казарме.

## IV

– Эй, пойдём на зайцев, – сказал Ёсида.

– А они здесь вообще водятся? – спросил Комура, лежа под одеялом с головой.

– Водятся. Вон, резвятся неподалёку.

Ёсида указал за окно. Он с самого утра лежал ничком и смотрел в двойное стекло на холм напротив. Тот был холмистый, тянулся до самых дальних гор. Кое-где на нем были заросли травы, кустарники, кучи собранных камней. Сейчас, укрытые снегом, они все слились в белую массу, и различить их было невозможно.

Заяц то и дело выскакивал из травы и исчезал в снегу, а немного погодя появлялся в другом месте. Сперва бросались в глаза его большие уши. Но если не присматриваться, его можно было принять за снег.

– Вот, появился, – тихо воскликнул Ёсида. – Скачет, пружинит.

– Где?.. – Комура неохотно поднялся и подошел к окну. – Да не видно же.

– Присмотрись, скачет. Вон, к той куче камней бежит. Уши длинные видишь?

Оба устали валяться. Хотя служить было скучно, и всерьёз браться за дело не хотелось. Служивцы, наверное, уже в Цуруге? Скоро дембель, и домой! Только об этом они и думали. Вспоминали ночь перед посадкой на корабль в Сибирь, ночевку в Цуруге. Этот портовый город вспоминался с тоской и таким ярким. Сколько лет они не видели моря! Им казалось, что они в Сибири уже больше трех лет, нет, все пять. Зачем вообще нужно посылать сюда солдат, зачем держаться? Солдаты убивают русских, русские убивают солдат. Если бы не начали посылать войска в Сибирь, они бы уже были солдатами третьего года службы, и их бы здесь не задерживали.

Оба сожалели, что до сих пор были слишком примерными и тихими. Надо безобразничать, вести себя как вздумается, иначе будешь в убытке. Оставшийся год они решили прожить так, как хочется.

Ёсида надел теплую форму, взял заряженную винтовку и выбежал из казармы.

– Эй, а можно боевыми патронами по зайцам стрелять? – Комура, натягивая, как и Ёсида, зимнюю одежду, тревожно спросил.

– Какая разница!

– Старший фельдшер не рассердится?

В госпитале тоже были винтовки и боевые патроны, но пользоваться ими запрещалось, кроме как в чрезвычайных ситуациях. Под чрезвычайной ситуацией подразумевалось, например, нападение врага.

Ёсида вышел, не обращая внимания. Комура тоже подумал, что как-нибудь уладится, и, взяв винтовку, последовал за Ёсидой. Тот перепрыгнул через ограду госпитального двора, прошел двадцать-тридцать шагов, остановился и спустил курок.

Он раньше на родине часто охотился на оленей. Привык стрелять из охотничьего ружья. Из пехотной винтовки стреляют, успокоившись, тщательно прицелившись, но на охоте нет на это времени. Противник – животное, спасающееся бегством. Надо быстро прицелиться и выстрелить. Он привык стрелять, едва положив ружье на ладонь – и попадал.

Раздался выстрел, похожий на боевой, и заяц, описав в воздухе дугу высотой в сяку, отлетел вперед. Чувствовалось, что попал.

– Есть! Есть!

Ёсида, опустив винтовку, кивнул сзади идущему Комура и побежал вперед.

Там заяц лежал, как ребенок, с вывалившимися внутренностями, заливая снег красной кровью.

– Я тоже стрелять могу. Где бы еще одного найти? – вызвался Комура.

– Есть, я видел двух-трех.

Они поднялись на холм, спустились в долину, затем взобрались на следующий. На пути в небольшом углублении рос кустарник. Едва они, хрустя снегом, подошли туда, как из-под корней впереди выскочил длинноухий. Первым его заметил Ёсида.

– Эй, дай мне выстрелить, эй!.. – Комура остановил поднимавшего ружье товарища.

– Справишься?

– Справлюсь.

Комура прицеливался дольше Ёсиды. Но пуля не пролетела мимо.

Заяц, пролетев в воздухе еще два-три сяку, упал.

## V

Они тайком доставали боевые патроны из склада. Припрятав по десятку в карманах, каждый день уходили к холмам.

Возвращались всегда с добычей.

– Если так стрелять, в Сибири зайцев не останется, – говорил Ёсида.

Но на следующий день, как только они приходили, зайцы, испуганные хрустом их сапог по снегу, с опущенными длинными ушами выскакивали из травы. Заметив дичь, они никогда не упускали ее.

– Вы где патроны достаете? – старший фельдшер, желая помешать увлеченным охотой в ущерб службе двоим солдатам уходить из госпиталя, спрашивал полунамеками.

– Из полка получили, – отвечал Ёсида.

– В последнее время партизаны то и дело появляются, надо остерегаться, не заходить в опасные места!

– Если партизаны придут – мы их, как зайцев, перестреляем.

Зима углубилась. На охоте они вымещали досаду и спасались от скуки. Следы зайцев постепенно стали реже. На истоптанном их сапогами снегу новый снег ложился ровным слоем, словно выравнивая землю. Но новых следов на нем почти не оставалось.

– Так ведь в Сибири зайцы переведутся.

Они смеялись, говоря так.

С каждым днем они уходили всё дальше, переходили холмы, долины, поднимались в горы, и вот уже пролезали через колючую проволоку охранной линии, устроенной полком, и выходили по ту сторону. Снег был глубок, по колено, по пояс. Они радовались этому, широко шагая и разгребая его.

Добычи становилось все меньше. Случалось, что за полдня добывали всего по одному. Тогда они, возвращаясь, поднимались на гору и, с досады, выпускали все оставшиеся патроны впустую, в небо.

Однажды они пролезли через колючую проволоку и спустились в долину. Оттуда поднялись на следующую гору. Куда ни глянь – один снег, солнце слабое, бледное, ветра нет, слышен лишь хруст собственных сапог по снегу. Ни городка, где стоял полк, ни холма с госпиталем не было видно – их заслоняла задняя гора. Пройдя немного по гребню, они стали спускаться в следующую долину. В долине было болото. Оно поднялось льдом. На той стороне болота, занесенные снегом, виднелись два-три домика.

Они еще ничего не подстрелили. Один раз они испугнули длинноухого, но оба промахнулись. Они искали его следы в том месте, где тот скрылся, но заяц больше не показывал ушей.

– Пошли уже назад, – Комура остановился, опасаясь незнакомых домиков.

– Вернуться ни с чем? Не хочу.

Ёсида побрел к болоту. Комура нехотя последовал за ним.

Долина была глубокая. В долине была река, впадавшая в болото, казалось, замерзшая. И река, должно быть, впадала в болото, а затем вытекала из него и текла дальше вниз.

На спуске прямо у их ног вдруг выскочил большой заяц. Они невольно вскинули ружья и выстрелили. Заяц был подстрелен, не успев отскочить и на семь саж.

Пули обоих, должно быть, попали почти одновременно. Прелестное, милое создание, пораженное пулями, убивающими людей, лежало с головой, оторванной от туловища вместе с длинными ушами. Наверное, две пули попали в шею с небольшим промежутком.

Они поставили перед собой добычу, с которой на снег капала и замерзала кровь, и немного отдохнули. Устали, в горле пересохло.

– Пошли уже, – торопил Комура.

– Нет, дойдем до того болота.

– Нет, я возвращаюсь.

– Да ведь уже совсем близко.

Сказав так, Ёсида поднялся, взяв добычу, из которой еще сочились кровь, и мельком глянул на гору, с которой они спустились.

– Ой!

Он невольно вскрикнул от изумления.

На горе, где до их спуска, куда ни глянь, был лишь снег, и ни собаки, ни человека, стоял русский с коричневой бородой, в меховой шинели, с ружьем, и смотрел на них сверху. Не иначе как бандит или партизан.

У Комуры ноги словно отнялись, он не мог подняться.

– Эй, бежим, – сказал Ёсида.

– Минуточку!

Комура никак не мог встать на ноги.

– Не бойся. Все в порядке, – сказал Ёсида. – Подойдут поближе – пристрелим.

Но он сам запаниковал и хотел бежать. Хотя ему казалось, что на этом склоне горы нет никаких домов, и путь для бегства открыт, но совсем рядом, скрытые снегом, стояли шесть-семь домов. Не было сомнений, что в них живут русские.

Появились еще русские на горе. И вскоре они со всех сторон начали приближаться, окружая их.

Ёсида взял ружье и стал стрелять в приближающихся. Комура тоже взял ружье. Но они не могли стрелять так же легко и с улыбкой, как по зайцам. Даже прицелившись, руки дрожали, и ружье не слушалось. Патроны быстро кончились. Они замахнулись ружьями, чтобы ударить подходивших, но скоро сильные мужчины, собравшиеся со всех сторон, схватили их за руки и вырвали ружья.

Ёсида был прижат к земле молодым парнем, от которого пахло, как от мешка из-под риса, и дышать было нечем.

Крепкий старик с большими глазами, полными страшного блеска, что-то приказал твердым, сильным голосом тем, кто держал двоих. Юноша, лежавший на Ёсиде, ответил старику несколько слов. Ёсиду подняли.

Старик подошел к двоим, скрученным семью-восемью цепкими руками так, что они не могли пошевелиться, и, смотря настойчивым взглядом, словно требовавшим признания, спросил что-то по-русски.

Ни Ёсида, ни Комура не знали русского. Но по взгляду и жестам старика они поняли, что он подозревает, что они разведчики, и хочет выведать у них, сколько японских солдат сейчас стоит в городке. В это время японские солдаты могли нагрянуть с горы. Старик, казалось, беспокоился об этом.

Ёсида ответил фразой по-русски, которую знал: «Не понимаю».

Старик какое-то время пристально смотрел на них. Юноша в синей шапке что-то вставил.

– Не понимаю, – повторил Ёсида. – Не понимаю.

Его тон невольно стал умоляющим.

Старик что-то сказал юношам. Тогда те стали снимать с двоих зимнюю форму, мундир, исподнее, кальсоны, сапоги, даже носки.

...Их поставили голыми на снегу. Они поняли, что сейчас их расстреляют. Двое-трое юношей обыскивали карманы снятой формы. Двое других, с ружьями, отошли немного поодаль.

Ёсида подумал, что сейчас они убьют их. И тогда он невольно вспомнил и выкрикнул русское слово: «Спасите! Спасите!» Но слова, которые он помнил, были неточны. Слово, которым он хотел сказать «спасите» (спасите), прозвучало как «спасибо» (спасибо).

У русских не было видно желания внять мольбам японцев. Страшные глаза старика стали безучастными.

Двое юношей вдали подняли ружья.

Ёсида, до того спокойно стоявший на снегу, вдруг бросился бежать вперед. И Комура побежал следом.

– Спасите!

– Спасите!

– Спасите!

Они кричали так, бежав по снегу. Но для русских их крики звучали как:

– Спасибо!

– Спасибо!

– Спасибо!

...Вскоре два выстрела прокатились по долине.

Старик велел юношам собрать отобранные ружья, мундиры, зимнюю одежду, сапоги и повел всех к занесенным снегом домам.

– Эй, того безголового зайца тоже не забудьте!



## VI

На третий день, когда их, наконец, нашли в ходе масштабных поисков двумя ротами, те оказались, сохранив цвет кожи, как при жизни. На спинах были лишь небольшие, с кончик мизинца, раны.

Лица застыли с выражением, словно они что-то кричали, глаза были открыты.

– Я же заранее предупреждал! Не ходи на зайцев – и такого бы не случилось! – старший фельдшер, стоя перед двумя телами, окруженными толпой солдат, сказал так, будто в этом не было его вины.

Он не подумал, что если бы отправил их вместе с другими солдатами третьего года службы, такого бы не случилось!

Он думал о том, что ему придется писать объяснительную о потере двух единиц оружия и двух комплектов обмундирования.

*Март 1927 года*

## Сани

### I

Дул ледяной ветер, от которого немеет нос.

Деревня была целиком покрыта снегом. И придорожные деревья, и холмы, и дома. Всюду лежал лишь ослепительно сверкающий белый снег.

Перед одним из домов на склоне холма стояли брошенные сани. Из комнаты, служившей одновременно гостиной и столовой, доносилась крайне неумелая и небрежная русская речь японца.

– Холодно же... Заходите, пожалуйста.

Дверь приоткрылась, и в проеме показалось лицо хозяйки в туфлях на низком каблуке.

Извозчик, утопая по пояс в сене, сидел в санях, втянув голову в плечи. Молодой, невысокий парень. Щеки и кончик носа покраснели от мороза.

– Спасибо.

– Право же, заходите.

– Спасибо.

Однако молодой извозчик лишь старался получше укрыться сеном, чтобы ветер меньше пронизывал одежду, и не собирався вылезать из саней.

Лошадь в шорах, фыркая паром, спокойно ждала, когда выйдет поставщик.

Пар, вырываясь из ноздрей, тут же замерзал и превращался в иней. И лошадиная морда, и сбруя, и шоры будто обсыпались сахарной пудрой.

## II

Старик Петр не спешил соглашаться с предложением поставщика.

У поставщика от щек до подбородка росла густая борода. И голос у него был жесткий, будто он сам себе казался важной персоной. Даже к женщине, и вообще в неподобающих случаях, он постоянно обращался на «ты». Он выучил русский язык лишь на слух, как придется.

– Война, должно быть, – сказал Иван, слушавший разговор отца с поставщиком, обращаясь к младшему брату.

– Нет же! – глаза поставщика быстро сверкнули. – Перевозить фураж и обмундирование.

– А зачем так много саней, чтобы возить фураж и обмундирование? – спросил Иван.

– Нужно, вот и всё. Солдаты же все поголовно и одеваются, и едят...

Поставщик хотел использовать две пары саней Петра для нужд полка. Денег, говорил он, даст сколько угодно.

Петр не питал симпатий к японской армии. Более того, он испытывал к ней ненависть и неприязнь. У него как-то без всякой причины обыскали дом ради нужд японцев. И еще, говоря, что заплатят, у него как само собой разумеющееся реквизировали беременную свинью. Поля были разорены. Когда возле них начнется война и полетят шальные пули – кто знает. Он проклинал японцев, что без дела пришли аж в Сибирь.

Поставщик, отправляясь по делам полка в крестьянские дома, каждый раз замечал в их мелких поступках неприязнь к японцам. Некоторые выказывали ее открыто. Но таких было меньшинство. Большинство же не проявляло явной неприязни, но отказывалось выполнять его требования даже за деньги, под разными предлогами: то подкова расшаталась, то лошадь простужена. Однако поставщик, привыкший читать мысли собеседника и вести торг, сразу видел их насквозь. И вел разговор соответственно. О том, что предстоит война, он хранил полную тайну.

Минут через пятнадцать ему удалось уговорить Петра предоставить две пары саней для полка с его сыновьями в качестве извозчиков.

– Ну, тогда сейчас же собирайтесь и отправляйтесь в полк, – сказал он.

– Минутку, – произнес Иван. – Сперва деньги получить нужно.

И Иван взглянул на отца.

– Что?

Поставщик, уже собравшийся уходить, обернулся.

– Деньги нужны.

– Деньги... – поставщик нарочито рассмеялся. – Ну, Петр Яковлевич, если возьмете двух молодых парней, деньги запросто заработаете.

Иван, что-то бормоча себе под нос, надел валенки и потертый, грязный меховой тулуп.

– Может, и вправду война, – сказал он тихо. – Если начнется перестрелка, я так уж и быть, сбегу.

Снаружи молодой извозчик замерзал. Поставщик, выйдя на улицу, бодро сказал:

– Ну, дальше!

Сани плавно и легко скользнули по снегу, спускаясь по пологому склону.

У следующего дома поставщик выяснил, есть ли сани и лошади, а затем прошел в сени и дальше в дом.

И здесь он предложил дать денег сколько угодно. Уладив дело тут, он помчался на санях дальше.

Неприязнь к японцам и его умение договариваться насчет денег вступали в борьбу в каждом дворе. И его расчетливость всегда брала верх.

### III

Сани подъехали к расположению роты. Лошади заржали, на спинах их позвякивали бубенцы.

Каждая рота была занята приготовлениями к выступлению. Однако на полковой кухне не только не готовились, но четверо или пятеро солдат обсуждали, что взбредет в голову. Там стояла смешанная воедино вонь свиного жира, капусты, горелого хлеба, протухших солений. Казалось, даже в поры кожи поваров, работавших там, вьелся этот запах.

– Свиной, кур – разве не мы реквизируем? А кто, думаете, ест потом ветчину и бекон? Все офицеры прикармливают. Мы-то делаем грязную работу.

Ёсихара горланил у печки.

Он не раз видел, как хозяева – местные сибирские крестьяне – мучились, раздирая одежду на груди, глядя на угоняемых животных. Он и сам вырос в деревне и знал, что такое держать скотину. Только тот, кто сам растил их, понимает, как можно привязаться к животному, которое взял в руки еще новорожденным.

– Издеваемся над русскими, доводим до слез, до мольбы – и силой тащим. Скверное дело, грабеж.

Голос у него был хриплый, но громкий, разносился далеко. Его слова звенели так, что, казалось, дрожали оконные стекла.

Он раньше служил денщиком у командира батальона. И видел, насколько пища офицеров отличается от солдатской – будто это разные виды людей.

Вечером командир батальона куда-то уезжает. И он должен начистить сапоги, вычистить мундир, приготовить теплую одежду, да еще и побрить едва отросшую щетину. Чтобы побрить – нужно принести горячей воды умыться...

Господин майор наряжается и уезжает.

А потом поздно – за полночь – возвращается и бывает не в духе, словно ломает и швыряет палки. Ёсихара не понимал, в чем дело. Наверное, ему отказали.

И на следующий день тот опять в дурном настроении. И солдат ругают, а то и хлещут плеткой за нерасторопность.

Он думал: разве у начальства есть такое право? Ему, серьезному человеку, стало противно раболепно кланяться и чистить сапоги.

Почему майор выбрал его в денщики? Потому что он был статным, красивым парнем. Благодаря этому его не били. Но он не мог не испытывать неприязни к тому, что начальство, как мужчины любят красивых женщин, выбирает денщиков по внешности и обращается с ними как с игрушками. Быть игрушкой – на это он не согласен!

– Свиной, кур – разве не мы реквизируем? И забиваем, и готовим... А все вкусное забивают важные господа, – повторил он. – Как же называется наша-то работа?!

– Эй, хватит болтать, пойдем. Что толку роптать, – сказал Абэ. – Все уже вооружаются.

У Абэ было мрачное, угрюмое лицо. Он всем сердцем хотел поскорее вернуться в роту и готовиться. Но ему неловко было уходить одному, оставляя остальных, и он медлил.

– Опять убивать друг друга... Не хочется.

Рядом Кимура вполголоса шептался с Асадой. Они сидели друг напротив друга, оседлав скамью. Кимура слабо, беззвучно кашлянул.

– Говорят, у русских солдат нет желания воевать, – сказал Асада.

– Да? Это хорошо.

– Но ведь войну начинают не по желанию рядовых.

– Значит, командование все же намерено воевать до конца?

– Говорят, из метрополии этого ждут.

– Не хочется... Специально посылать людей в холодные края убивать друг друга!

Кимура поминутно прерывал разговор кашлем. У него скапливалась мокрота, и, если он не откашливался, голос пропадал.

До приезда в Сибирь с легкими у него было всё в порядке. Дыхание в верхушках легких было чистым, без единого хрипа. Но после зимы, проведенной в снегах, и лета, когда высохший на дорогах конский навоз превращается в пыль и носится в воздухе, – дыша всем этим, он незаметно похудел и начал кашлять. Климат плохой. За это время, примерно за полтора года, он видел, как убили нескольких русских, а потом и некоторых его товарищей-новобранцев тоже. Он и сам лишил жизни человека. То был бледный юноша с лицом, искривившимся, словно он вот-вот заплачет. Рыжеватая борода только начинала пробиваться. Глядя на этого мужчину, лежавшего перед ним, он впервые осознал, что не испытывает к нему ни ненависти, ни злобы. Это казалось ему странным. И он почувствовал, что делает это против своей воли, побуждаемый кем-то свыше.

Ёсихара, говоривший хриплым, далеко слышным голосом, обернулся к Кимуре:

– У тебя же хороший предлог. Скажись больным, пройди осмотр. Тогда сегодня можно и не идти.

– Пока не начнешь кровь отхаркивать – и смотреть не станут.

– Да что ты! Скажи, что от температуры все тело ломит, работать не можешь.

– Скажут, симулянт, только ругаться будет фельдшер, – кашлянул Кимура. – — Фельдшер не лечит больных, а только и делает, что ругается на нас, в Сибири-то.

Ёсихара уставился на него с видом полной безнадежности.

– Эй, пойдем уже, – сказал Абэ.

Из казармы доносились напряженные, торопливые окрики, звуки приготовлений, ругань.

– Эй, пойдем уже, – повторил Абэ. – Все равно идти придется.

Воздух дрогнул. И запах жира, горелого хлеба, протухших солений с новой силой ударил в ноздри.

– Два раза меня осматривали, – сказал Кимура и закашлялся. – Оба раза давали неделю отдыха от учений, а потом сразу снова в строй.

– Может, попросить осмотреть повнимательнее?

– Как ни проси – бесполезно.

И снова закашлялся.

– Эй! Что вы тут делаете?! – рявкнул фельдфебель с порога. – Неужели не знаете, что приказ вышел?! Быстро по местам, приготовиться!

– Ну вот, урод приплелся.

## IV

Несколько десятков саней с солдатами мчались по снежной равнине. Колокольчики с лошадиных спин были сняты.

Снег лежал глубокий. И равнина простиралась без конца и края.

Лишь скрип полозьев да стук копыт по мерзлому снегу нарушали тишину. Но и эти звуки, будто поглощенные безмолвием равнины, тут же куда-то исчезали.

В санях, которыми правил сын Петра, Иван Петрович, сидели командир батальона и адъютант. Кнут со свистом рассекал воздух, хлестая по лошадиным крупам. Лошадь, обуемая в подкованные для льда шипами копыта, ступала по мерзлому снегу.

Командир батальона рассчитывал в уме, сколько у него в кармане жалованья. Он получил его только вчера.

Иван, чтобы догнать ушедшую вперед роту, беспрестанно подергивал вожжи и хлестал кнутом. Сани, оставляя на снегу две параллельные борозды от полозьев, мчались словно ветер. За Иваном следовали еще двое саней. В них тоже сидели офицеры. Когда местность понижалась, сани с грохотом проваливались в яму. И тут же лошади вытаскивали их на ровное место. Одни сани проваливались – и следующие за ними тоже, грохоча, проваливались и вытягивались. Металлические скобы на полозьях пронзительно скрипели.

– Лу, лулу...

Иван что-то крикнул сзади идущему извозчику.

Командир батальона был мужчина дородный, с кровью, что, казалось, плещет через край. Кровь, созданная из ветчины и бекона.

– Так, из трехсот иен... – он сожалел, что почти всю сумму, которую отсылал ежемесячно на родину, он вчера вечером, сразу после получения, отдал дочери бывшего полковника Цуара. Если бы знал, что сегодня выступят в поход, не стал бы отдавать. На эти деньги жена, старая мать и двое детей могли бы прожить целый месяц! Однако он забыл, что, очарованный красотой и томностью дочери полковника, был готов отдать и оставшиеся в кармане купюры потом, при случае.

– Майор Тикамацу!

Командир батальона продолжал свои подсчеты. Крик сзади не достиг его ушей. Какой же он дурак сделал! Сколько там вообще осталось в кармане!

– Майор Тикамацу!

– Господин командир батальона, вас вызывает подполковник, – сказал адъютант.

В ушах звенело от ветра. Иван Петрович сбавил ход. Его усы и брови были покрыты инеем, словно сахарной пудрой.

– Майор Тикамацу! Что это там кучкуется у подножья горы слева?

– ...?

Для командира батальона это было столь неожиданно, что он ничего не разглядел.

– Не враг ли это, что столпился у подножья левой горы?

– Так точно.

Адъютант достал бинокль.

– ...Враг, господин майор. Черт возьми, они идут, подставляя нам животы, прямо перед фронтом! – воскликнул адъютант, почти в отчаянии.

– Остановить роту и дать команду на смену направления?

Но в тот же миг взметнулся дымок. И прозвучал близкий выстрел.

– Э-эй, э-эй!

Майор Тикамацу окликнул ушедшую вперед роту слабым, умоляющим голосом, непохожим на командирский, словно больной зовет сиделку.

Похоже, и в роте заметили русских слева почти одновременно с ними. Когда командир батальона крикнул вперед, солдаты уже спрыгивали с саней на снег.

## V

Бой длился около часа.

– Японцы – точно бешеные псы. Кусаются, куда ни попадя, – сказал Петя.

– Все еще палят, бах-бах!

Русские потеряли желание воевать. Они, опустив ружья, бежали в сторону, где не было опасности.

Пули с шипением неотступно преследовали их, летя вперед.

– Устали.

– Нельзя ли предложить перемирие?

– Попробуй только – тут же всех перебьют!

– Бежим! Бежим!

Старик Федор Липецкий бежал с двумя детьми. Старшему было двенадцать. Младшему – девять. Младший устал и волочил ноги, так что валенки вот-вот слетят в снег. Отец с сыновьями все больше отставали.

– Папа, есть хочется... Хлеба.

– Зачем ты такого маленького по снегу повел? – спросил тот, кто обгонял их сзади.

– Да некому за ним присмотреть-то.

Липецкий скорбно скривил лицо.

– А жена?

– Пять лет как померла. Был шурин, да и того в прошлом году не стало. Оттого, что есть нечего!

Он порылся на дне мешка и достал сыну ломоть черного хлеба.

Младший протянул неповоротливую руку в тесной варежке, чтобы взять его. И в этот момент Липецкий что-то простонал и упал на снег, все еще держа хлеб.

– Папа!

– Попало ему! – сказал пробежавший мимо.

– Папа!

Двенадцатилетний старший брат попытался поднять за шею своего крепкого, крестьянского сложения отца.

– Папа!

Прилетела еще пуля.

Попала в младшего. Кровь хлынула на белый снег.



## VI

Вскоре к месту, где лежали отец с сыном, подошли японские солдаты.

– До каких пор, говорят, гнаться надо?

– Жрать хочется.

– Эй, давайте отдохнем.

Они тоже пресытились войной. Даже если победят – им от этого ничего не будет. Да и война выматывает силы и дух с быстротой экспресса.

Кимура, у которого болели легкие, кашлял и, задыхаясь, тащил за собой ружье.

Снег, твердый лишь сверху, под тяжестью людей проваливался, и сапоги глубоко вязли. Каждый шаг – и вот-вот сапог останется в снегу.

– А-ах, устал.

Кимура откашлял мокроту с кровью.

– Тебе бы назад вернуться.

– Устал так, что двигаться не могу.

– На санях бы вернулся, – сказал Ёсихара.

– И верно. Разве есть закон, чтобы больных на убийство посылать? – раздалось два-три голоса одновременно.

– Ой, да это, может, я убил, – Асада вздрогнул, глядя на лежащего Липецкого. – Я тогда спустил два-три раза.

Отец с сыном лежали на снегу в одном направлении, на расстоянии сяку (японская мера длины, около 30,3 см) друг от друга. В руке у старика валялся маленький кусок черного хлеба – будто его убили как раз когда он собрался есть.

Сын, ткнув левую руку в снег, лежал ничком. Окружающий снег был залит кровью, маленькие валенки порваны. Вид его был до жалости трогателен. Маленькие белые губы, прижатые к снегу, словно хотели что-то крикнуть им.

– Убивать друг друга – вот бессердечие-то!

У них сжалось сердце.

– Эй, я вот сейчас понял, – сказал Ёсихара. – Войну-то ведь ведем мы.

– Есть те, кто заставляет нас делать это насильно, – сказал кто-то.

– Но войну ведут люди. Если мы прекратим – она и закончится.

Словно поток, наткнувшийся на преграду, солдаты остановились вокруг Липецкого. Все были измотаны и выбились из сил. Кто-то спрашивал: что случилось, что случилось? Кто-то сел на снег отдохнуть. Кто-то, бросив еще дымящееся от выстрелов ружье, хватал и ел снег. Пересохло в горле.

– Сколько ни воюй – конца не будет.

– Жрать хочется.

– Хоть бы уже отступили, как-нибудь.

– Если мы не прекратим, сколько ни пройдет – конца не будет. Они ради награды готовы загнать и убить нас всех! Эй, прекратим, прекратим! Отступим!

Ёсихара горячился, словно готовый к драке.

Они пресытились войной. Скорее бы в казарму вернуться, отдохнуть в теплой комнате. Нет, больше того – вернуться на родину и скинуть тесный мундир.

Они думали о тех, кто остался на родине, избежав солдатчины, – как они спят, вытянувшись на теплой постели. Рядом с ними – красивые жены (мужчины, оставшиеся на родине, имеют привилегию первыми выбирать себе красивых и приглянувшихся женщин). Там есть сакэ, есть питательные яства. Они для забавы пьют сакэ, любуются на снег. А они должны здесь, в Сибири, убивать ни в чем не повинных русских!

– Не двигаетесь?! Что вы делаете перед фронтом?!  
К ним подошел командир роты с обнаженной саблей.

## VII

Как уставшие на экскурсии ученики, столпившиеся у родника, солдаты с совершенно расслабленным видом стояли кучкой на снегу. О чем-то спорили.

– Эй, туда, – сказал командир батальона Ивану Петровичу. – Там, где народ столпился.

Лошадь, уставшая от беготни по снегу, не могла больше терпеть ударов кнута, и Ивану было больно, словно он бил самого себя. Он думал, что лучше бы вез солдат. Солдаты, когда начался бой, все до одного сошли с саней и шли по снегу пешком. Только командиры не покидали саней до конца. Поставщик обманул его. Использует их сани, чтобы убивать русских. Если бы не сани, они ничего бы не смогли сделать!

Свернув с утоптанной, промерзшей дороги, длинные ноги лошади глубоко увязали в снегу. И снег, выбиваемый копытами при каждом шаге, летел Ивану в лицо. Чем труднее была дорога, тем больше уставала лошадь.

Когда сани приблизились к толпе солдат, оставалось уже всего около одного тё (японская мера длины, около 109 метров), солдаты вдруг встали и рассыпным строем двинулись вперед. Но пять-шесть человек все еще сидели на снегу и не собирались двигаться. Офицер что-то говорил этим пятерым-шестерым. Тогда один из них, смуглый, видный, проворный на вид, встал и что-то резко ответил. Это был Ёсихара. Офицер, казалось, не мог его переубедить. И солдаты, казалось, готовы были сами наброситься на офицера. Среди сидящих был и тот, кто кашлял и отхаркивал кровь.

– Что случилось, что случилось? – спросил командир батальона у поручика, который с трудом шел рядом.

– Солдаты говорят, что они как командиры сами прекращают войну. Похоже, сильно подстрекали остальных, – ответил поручик, поправляя ушанку. – Что ни говори, а как приедут в Сибирь – даже солдаты радикализируются, просто беда.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.